

есть не что иное, как сборник фактов, не связанных одной общей мыслью, а разве только хронологическим порядком.

То же можно сказать и о римских историках; для них история имела смысл *magistra vitae**, по выражению Цицерона, к ней обращались за уроками для царей и граждан. История не могла сделать большого успеха при столь близоруких понятиях о ней. Чем высшее значение получила история, тем она стала одностороннее.

В эпоху упадка гражданской жизни, в эпоху распада могущественного единства и воссоздания нового правления, основанного на преобладании политического элемента, история начала искать других путей. Жителям падших греческих республик, гражданам Римской империи история перестала быть тем, чем была для Цицерона, — *magistra vitae*, ей старались дать другой — практический — характер. Диодор Сицилийский говорит, что история должна научать человека нравственно, как она прежде научала быть гражданами. Неудачная попытка придать истории интерес практический! С этой целью Диодор Сицилийский наполнил свою книгу наставительными рассказами и размышлениями о добродетелях и пороках. Но не такими усилиями действует наука. Следуя направлению, данному Диодором, Валерий Максим составил сборник⁷ из поучительных и назидательных анекдотов, имевших целью возбуждать в юности высокие добродетели. Это ложное направление сохранилось до наших времен, и теперь еще выходят такие сборники нравственных рассказов — но едва ли принесли они желаемую пользу?

Причину одностороннего воззрения греков и римлян на историю нетрудно постигнуть — это преобладание национальности и отсутствие идеи о братстве всех народов. При всем изяществе изложения и прагматическом понимании истории древние историографы не могли создать истинной всеобщей истории — нужны были другие основы, нужно было просветление разума новым учением. Только с введением христианства могла возникнуть всеобщая история; первые слова христианства показали новый идеал истории. И. Хр. сказал удивленному древнему миру, что все люди суть сыны божии, что все они братья, что перед богом нет ни эллина, ни варвара! Итак, в христианстве лежит идея о всеобщей истории, тогда только она сделалась возможной; но между возможностью и осуществлением желаемой идеи проходят столетия. В наше время всякому историку понятна цель науки, всякий сознает ее идеал, но нет еще произведения, где бы эта идея осуществилась, и долго еще пройдет, пока цель, высказанная Диодором Сицилийским, — всеобщая история должна быть рассказана как история одного человека — осуществится. (Впрочем, в той сфере, в какой древние обращались, они достигли высокого совершенства).

* учительница жизни (*mag.*).